

Виктор ЗАЙКОВ

КИТАЕЦ

Невыдуманная быль

Глава третья¹

ЭСКОРТНЫЙ БАРОН

...К назначенному часу в кают-компании стали собираться старшие офицеры с кораблей и капитаны судов. Сдержанные приветствия, сосредоточенные лица. Рассаживались, поглядывали на часы, ждали появления командующего. Но в точный момент пробития склянок вошёл не сам адмирал, а его адъютант. Огляделся. Вскинул руку к фуражке:

— Господа, его превосходительство в силу уважительной причины не сможет лично вести совещание и поручает исполнить это флаг-офицеру флотилии. Прошу без ложных домыслов отнестись к ситуации и подойти к обсуждению повестки с возможным усердием. Честь имею. Поручик Шапов, извольте следовать за мной.

У адмиральской каюты, напевая что-то себе в усы, прохаживался — пять шагов туда, пять шагов обратно — румяный богатырь гальванер Паша Громобой. Когда он услышал в лестничном отсеке железное гуденье ступеней и чьи-то глухие голоса, то немедленно остановился, развернулся лицом к ещё невидимым гостям и широко расставил ноги. Внушительная фигура почти перекрыла узкий коридор. Обойти её хоть слева, хоть справа не представлялось возможным. Тяжёлая ладонь Павлуши легла на рукоятку бордажного тесака, выданного по случаю, скорее всего, личным распоряжением адмирала. Вскоре из-за поворота вывернули Шапов с адъютантом. И сразу остановились. Переглянулись. Пост, выставленный у салона адмирала, их явно озадачил. Поручик догадался, что поставлен тот сюда вовсе не для парадного красования, но с целью практической — не позволить кому бы то ни было нарушить уединение командующего. С кем? Прямо спросить посчитал не совсем приличным, а приказать матросу освободить проход не хватило духа — о нагловатую улыбочку на губах постового споткнулся. Подумал: «А ведь и впрямь может тесак в ход пустить, если грубо насядем. С такого станется, извещены. Да и наверняка инструкцию получил сообразно моменту. Придётся вместо тарана Сергея Васильевича использовать. Незаметно подтолкнул лейтенанта. Тот из гордости спину ломать перед низшим чином не стал. Приблизился к нему и по-отечески, но с угрозой в голосе решительно попросил:

— Ты, Пашенька, уважь офицеров, зайди-ка к его превосходительству, доложи ему о нашем визите, а мы с Семён Михалычем пока за коридором присмотрим.

Громобой позы своей не поменял. Наклонился только (качнулась серьга в ухе) и тоже тихо, но как-то почти по-приятельски отказал:

— А велено не беспокоить до приказа. Отойдите отсель подальше вон хотя бы на две сажени, там и ждите.

Офицеры подчинились. А Громобой снова стал мерять коридор шагами. Время шло. Адъютант злился. Поручик его успокаивал. Наконец, явственно послышался перелив колокольчика. Гальванер метнулся к двери и, крикнув, тут же отворил её. Вышла госпожа Вертопрахова. Вот те на! Ах и ох: тёмное — «в пол» — платье на ней, шляпа с пером неведомой птицы. Улыбнулась матросу и, «опьяняя сумраком духов», зацокала каблучками по коридору. Около офицеров на миг задержалась и слегка поклонилась:

¹ Главы 1 и 2 романа Виктора Зайкова «Китаец» опубликованы в N19 и N21 «Невского проспекта».

— Здравствуйте, господа. Георгий Карлович ждёт вас. После встречи с ним обязательно навестите меня. У нас есть что обсудить.

Старк встретил соратников раздражённо:

— Я просил тебя, Семён Михайлович, чтобы обстановка на заградителе была известна мне в подробностях исключительных. Что там племянник твой с дружкой делают? Картишки мусолят? Где их своевременный доклад, что Анисимова на совещание можно не ждать? Почему я только сегодня утром узнаю, что генерал уже три дня как пропадает в городе, а моя депеша, оказывается, вручена не лично ему, а кому-то из его доверенных собутыльников? Назовите мне фамилию отряженного вами на заградитель горе-порученца, который грубо нарушил флотский устав и, что важнее, сорвал задуманный мною план. Кто этот головотяп? Установить и примерно наказать!

Адъютант пообещал разобраться и, защищая матросов, посетовал, что следить за казачками, а тем более в «пьяницу» резаться, у бедняг просто нет времени и возможностей: вахты из-за нехватки личного состава сменяются авралами, и так изо дня в день по кругу. Не до разговоров им чьих-то, об одном заботятся — голодными не уснуть и проснуться во здравии. Затем достал из папки несколько разлинованных, мелко исписанных листочков и протянул адмиралу.

— Что это? — недовольно спросил тот.

— Вы просили представить опись предстоящих расходов по госпоже Вертопраховой. Согласно своих представлений, мы с Семёном Михайлычем постарались учесть всё до деталей. Осталось получить ваше одобрение.

Георгий Карлович перебрал листы, помассировал затылок и уселся за стол. Ещё раз просмотрел страницы и отложил в сторону последнюю, на которой затем, осторожно обмакивая перо в чернила, стал что-то зачёркивать. Закончив, глянул на подчинённых:

— Не годится такая бухгалтерия, господа счетоводы. Ту цифирь, что вы вывели в конце, я считаю неоправданным мотовством. Сократите сумму расходов хотя бы на треть. Поймите, нет у меня возможности оплачивать кому-то билеты на экспресс в вагоне первого класса, когда другие не имеют денег даже на четвёртый. А что, поясните мне, означают «расходы на обретение законного гражданского состояния»? Заложено на это ни много ни мало 200 североамериканских долларов!

— Это обычная акциденция¹, ваше превосходительство. Вам ли не знать, что крапивное семя во всяком государстве обязанности свои начинает справлять, лишь получив воздаяние. А не сунешь ему на лапу, оно оскорбится и затреплет вас так, что не возразуетесь. Так что лучше уж сразу упредить тайные желания мздоимца. Без добротных же паспортов госпожа Вертопрахова и её спутник не смогут рассчитывать на безопасное передвижение по городу и, тем более, вне его, — пояснил лейтенант и попросил разрешения обосновать другие позиции сметы, с которыми не согласился адмирал: — После всех наших размышлений, решено выделить пятьдесят долларов на приобретение гражданского платья сопровождающему нашу подопечную. Мы посчитали, что пусть не новый, но приличный костюм и штiblеты, а ещё галстук и шляпа, плюс зонтик нужны ему обязательно. В них он может сойти за кого угодно: биржевого маклера, сутенёра, даже дипломата, каких нынче в Шанхае собралось довольно количество. Не в потрёпанной же робе отправлять его в поездку! Русская матросская форменка, да ещё на таком видном экземпляре, да среди китайской публики — это вызывающий моветон. Неуместное молодечество во враждебном лагере может обернуться для кого угодно большой бедой. Рассказывают, будто в Шанхае орудуют многочисленные тайные общества, делающие деньги на похищении людей с последующей продажей их в рабство. А за такого, как Громобой, будьте уверены, любой покупатель на преступном рынке, не торгуясь, выложит объявленную сумму. Паша, конечно, парень не промах...

— Сергей Васильевич, — перебил адмирал, — мне кажется, что за вашим многословием прячется попытка уговорить меня отказаться от услуг этого неудобного во многом красавца. Вы предлагаете поискать другой, менее хлопотный способ спровадить Екатерину Платоновну с глаз долой. Я прав или ошибаюсь?

Адъютант смутился:

— Ничего подобного я и в мыслях не держал, ваше превосходительство. То, что вы заметили, сомнению не подлежит. Я лишь предлагаю более чем серьёзно отнестись к предупреждениям людей, знающих здешние порядки, ведь Шанхай, действительно, во многом город страшный. Позвольте продолжить далее. Обратимся к графе — «Личные нужды матроса». Мы предлагаем ассигновать на них сорок пять рублей.

Адмирал удивлённо поднял бровь:

— Какие ещё такие личные нужды могут быть у нижнего чина?

¹ Акциденция (здесь) — подношение, взятка.

— Ну, мы же задались целью слепить из него вполне приличного человека, господин командующий, — вклинился в разговор Щапов. — Дорога до Харбина дальняя и долгая. Она может состоять из каких угодно казусов и неудобных мелочей. Всего не предвидишь. Ну не будет же наш кавалер просить у дамы оплатить за него посещение той же цирюльни или купальни, а ещё, простите за пикант, ватерклозета, который, говорят, здесь повсеместно платный.

— Боже, неужели и за это стали деньги взимать? Дожили, господа прогрессисты! Поздравляю всех нас.

— Азия! Чёрт бы её побрал. Тут туземцы могут и не такие сюрпризы подложить. Успевай только мощну развязывать, — согласился комендант.

Старк, покачив головой, обратился к помощнику:

— А почему бы вам, Сергей Васильевич, следуя моим пожеланиям экономии средств, не презентовать матросу свой «погребец».¹ Пусть попользуется офицерским «добром» себе в удовольствие. А вы, поручик, — перевёл взгляд на Щапова, — могли бы снабдить своего любимчика хорошим оружием, коллекцию которого, я знаю, прочеете от любопытных глаз в рундуке. Имея при себе тот же безотказный парабеллум Люгера, чувствуешь себя более уверенно, не так ли?

Подчинённые переглянулись.

— Мы принимаем ваши рекомендации, — после недолгой паузы согласно ответил лейтенант.

— Ну вот и хорошо, — встал адмирал, давая понять, что разговор окончен. — Перепишите набело испорченную мною роспись ваших предложений и представьте её казначею. Разрешающую резолюцию я ему сообщу. И давайте сюда этого вашего женоненавистника, мы с ним ещё не беседовали по душам.

...Паша, оставшись наедине с адмиралом, оробел. С готовностью сел на предложенный стул и застыл с прямой спиной. Он по некоторым обмолвкам Щапова догадывался, что его хотят отправить с каким-то заданием на берег и вот сейчас, скорее всего, призвали, чтобы объявить об этом. Сердце служивого чуяло что-то недоброе, противное его тайным замыслам. «Чего им от меня понадобилось? — следил он взглядом за шагающим по каюте командующим. — Дай, Господи, духа устоять перед соблазнами. Отведи от раба твоего беды и злобы ледащие».

Георгий Карлович, будто прочитав Пашины мысли, не останавливаясь, прервал молчание:

— Вот что, гальванер Громобой, для начала ты должен осознать, что приглашён сюда отнюдь не случайно. Не всякому матросу и даже офицеру я выказываю такое доверие. Во-вторых, то, что сейчас услышишь, есть не приказ, а личная моя просьба. Надеюсь на твою порядочность и морскую смекалку, смею предложить тебе поучаствовать в одном не очень обременительном путешествии.

— Не могу, — вскочив со стула, выпалил Паша.

— Что значит «не могу»? — удивившись, остановился адмирал. — Даже не дослушав того, что от тебя требуется, ты решительно отказываешься? Изволь объяснить причину такого... такого мальчишеского поведения.

— Обещал матушке в письме, ваше превосходительство, на будущее Благовещенье обязательно домой воротиться. Один я у ей остался. Загинет она без меня. Даньку-то да Мишку — братьев моих младших погодков — порубали насмерть. Одного красные под какой-то Каховкой, другого атаманцы Анненкова где-то за Урал-рекой.

— Не дави из меня слезу. Я давно уже каменный. На моём веку добрая половина Расеюшки в землю полегла, а другая устала её оплакивать. Должен бы понимать, братец, в какое время живёшь, тем более что с грамотой знаком и газеты, поди, читаешь.

— Так точно. Три класса приходской школы одолел, а как родитель помер, пришлось за плут становиться. Потом война германская. На флот забрали. Пятый уж год как лямку тяну.

— Не больно ты, гляжу, службу свою почитаешь. Забрали его. Не забрали, а призывали послужить царю и отечеству. Ну да ладно. Я тебя своей властью с корабля удаляю, — неожиданно объявил адмирал. — Совсем. Списываю подчистую на берег. Ты теперь в другую — цивильную службу будешь определён. Собирайся в Харбин. Сопроводишь туда одну нашу общую знакомую. Для чего мы тебя в дворянское сословие определим и фамилию твою мужицкую на более подходящую сменим. Сдашь барыню на руки родственникам, а потом катись хоть к чёрту на рога. Препятствий тебе никто чинить не будет.

— Извиняйте. Никак не согласен, ваше превосходительство, — побледнев, выдавил сухими губами матрос. И вытянулся во фронт.

¹Погребец — дорожный офицерский ларец для хранения бритвенных принадлежностей и других аксессуаров.

Старк в замешательстве опустил на стул. Долго глядел в тёмный зрачок иллюминатора. Думал.

— Скажи-ка мне, братец, — повернулся наконец к служивому, — каким образом ты весной собрался осуществить свои намеренья? Выкладывай всё как есть. Дезертировать задумал? А известно тебе, что флотилия до сих пор есть боевая единица, и о её расформировании приказ никто не отдавал? Стало быть, воинский артикул на ней обязаны исполнять все без исключения. Самовольно оставив корабль, ты тем самым совершишь тяжкое преступление, и суд, когда тебя поймут, а тебя обязательно поймут, будет над тобой скорый и суровый. Вот тогда твоя матушка уж точно сына не дожждётся, — матрос молчал. Только желваки на скулах перекатывались да глаза чернели решимостью. — Ступай, — велел адмирал неприязненно. — Разыщи коменданта и передай ему, чтобы явился ко мне. Сам схоронись потом в своём кубрике и хорошо подумай над нашим разговором.

Пришедшему вскоре поручику Старк попенял:

— Не знаем мы своих людей, Семён Михайлович, ни с какого бока не знаем. Вроде столько лиха хлебнули вместе, а вот поди ж ты. Отказался твой ясный сокол выполнять нашу просьбу.

— Как отказался? Не может быть! Да я его...

— Ну, что ты его? Заставишь? Угрозами принудишь? Он при удобном случае всё равно сбежит. Мать у него где-то доживает одна. Тяжко ей. Понять можно, — адмирал покрутил пуговицу на мундире Щапова. — Смотрю я на тебя, бесценного, и угадываю твоё благородное желание немедленно пойти и выжать соль из гальванера. Только, боюсь, что зря время потратишь. Сладить с ним в этой стыдной ситуации сможет, по-моему, только госпожа Вертопрахова. Ну, а если и у ней осечка случится, то прости, мой дорогой, отправиться в Харбин придётся — тебе.

— Разрешите, я всё же попробую, Георгий Карлович. Попробую я, — похолодев, отковырял поручик.

Но выйдя из салона командующего, он постоял в раздумье и решительно направился к каюте... купчихи. Та, выслушав то ли извинения, то ли неизвестно кому адресованную брань гостя, пожала плечами:

— Ничего удивительного я в этом не вижу. Молодой неопытный холостяк просто боится меня больше, чем вас, господа флотские. Одно дело — не думая, бодро исполнять ваши приказы, а другое — ухаживать за женщиной. Улавливать её желания, не обижаться на капризы. Я, конечно, попробую развеять страхи Громобоя. Но вам, поручик, или, скорее, лично адмиралу надо дать матросу офицерское слово, а ещё лучше письменное свидетельство, что с завтрашнего дня его единственным начальником назначаюсь я. Пока другие матросики будут драить палубы и лаяться с китайскими торговцами, мы с «дубинушкой» займёмся тонкостями светского обхождения. Пусть учится и привыкает ко мне.

— В таком случае, не забудьте убедить Пашу изъять из своего уха эту разбойничью серьгу, — вставил Щапов.

— А вы в свою очередь, Семён Михайлович, узнайте, пожалуйста, отчество матроса. Уважительное отношение к себе мужчины всегда ценят.

Утром Екатерина Платоновна сообщила коменданту, что «крепость пала», но праздновать победу пока рано:

— Мой исчезнувший, но рассудительный муж, — ещё раз напомнила она, — крутил дела со множеством разных людей, однако никогда никому из них полностью не доверял. И правильно делал. «Верить можно только бумаге, — говорил он, — и то не всякой». Я понимаю: дело это трудное, поручик, но паспорта, которые вы намереваетесь нам где-то исхлопотать, не должны быть фальшивыми. И очень желательно, чтобы они подтверждали наш брак с Громобоем. Уверяю, так будет легче отбиваться от разных любопытных нахалов. Кто знает, на сколько затянутся поиски генерала. В будущем, правда, эта невинная симуляция может обернуться для меня семейным скандалом. Поэтому очень прошу о нашем «супружестве» не распространяться даже в кругу своей болтливой компании. Обещаю: все внешние признаки любящей пары будут нами соблюдены и сыграны, как в дешёвой мелодраме провинциального театра — зрители изойдут слезами от нашего счастья. А остальное — во власти господней.

Щапов с облегчением поцеловал мадам руку. Потом, не скрывая радости, долго благодарил. И, уже прощаясь, как бы мимоходом поинтересовался:

— Не откроете тайну, сударыня, какие ключи вы выбрали к строптивой душе упряма? Что такое вы ему пообещали?

— Сущий пустяк, — холодно посмотрела Вертопрахова. — Я пообещала ему — себя.

Бедный поручик. Ну зачем было так фраппировать старого человека?

— Её слова подкосили меня. Как может замужняя женщина из порядочной семьи так вести себя? — жаловался он вскоре адмиралу. — Я потерял к ней бывшее уважение. Мне невыносимо гадко. Освободите меня от сообщения с нею.

Старк расхохотался:

— Уж не влюбился ли ты на пороге старости, мой верный наперсник? Дама она видная, есть от чего потерять голову. Верю. Но скажу тебе больше — она ещё и умна. Её откровения, так смутившие тебя, скорее всего, бабья бравада. Мать, чтобы спасти своё дитя, ещё и не на такое может решиться. Уйми свои чувства и собирайся в город. К законникам американцам с нашими просьбами о паспортах не лезь. Гиблое дело. К англичанам — тем более. Эти потребуют сначала продать им душу, а потом ещё поглядят, что с тобой дальше делать. Попробуй договориться с французами. Хотя рассчитывать на их содействие тоже не стоит. Но попробовать надо. Может быть, бумагу о каком-нибудь совместном гешефте с ними заполучить и получится. К консульским чиновникам «лягушатникам» не обращайся, иди сразу в военно-морской отдел к капитану Дюбуа. Он знает меня и постарается помочь. И заканчивай побыстрее с этим делом, Семён, нас другие заботы за горло хватают.

...А случилось этой ночью в каюте молодой мамаша совсем не то, что с отвращением — брезгливостью — недоумением представлял себе Щапов. Драма разыгралась? Да. Но не трагедия. Екатерина Платоновна, как правильно отметил Старк, действительно и прежде всего, пеклась о ребёнке. Уберечь его, довести живым и здоровым до спасительного, как ей казалось, Харбина — вот её самая важная на сегодня задача. «А этот мужлан, — думала она о матросе, — я его в себя влюблю. Пусть лапает меня своими ручищами, лишь бы дело сделал».

...Паша за полночь, выполняя приказ поручика, отправился в каюту барышни и застал её плачущей.

— Павел Кузьмич, — подошла она к матросу, — как вам не стыдно? Адмирал сказал мне, что вы наотрез отказались спасти меня из ада, в какой мы попали с моим бедным Алёшенькой. Вы показали мне добрым человеком. Я так надеялась на вас. Что с нами будет? Ради всех святых — помогите! — Громобой смотрел растерянно. — Ну что вы молчите? — положила руку ему на плечо коварная, как писали в романах, обольстительница.

— Не гожусь я вам, — отступил на шаг Паша. — Как адмиралу сказал, так и вам говорю: несподручные мы с ребяёнками возиться. Пуцай на войну меня лучше посылает, а только не в няньки.

— Да вы, дорогой, ни в каких няньках ходить не будете. Не терзайтесь такими мыслями. Передавать сына в незнакомые руки я сама никому не позволю. Вы, Павел Кузьмич, отряжаетесь единственно в помощь мне. Ну, чтоб защитить, когда нужно будет, вещи поднести. Мужчина, в общем, чтоб рядом был. А в Харбине я вас отпущу. Поедете к своей маменьке, сомнения не держите.

Громобой — видно было — не верил:

— Почему я? Нешто у адмирала кого другого не сыскалось? Офицеров вокруг него — не протолкаться. Все при образовании, к обхождению с дамами приучены, а я вам на что? Вот возьму и запью вдруг горькую, чево тогда делать со мною будете? Я во хмелю злой. Побить могу.

— Не пугайте. Вместе за рюмку будем усаживаться. И неизвестно ещё, кто из нас злей окажется. Но кроме всего прочего, я вас, Павел Кузьмич, к родительнице своей голодранцем не отпущу. Отблагодарю так, что до конца дней вспоминать меня будете. Соглашайтесь.

Паша сказал, что должен подумать минут несколько. Голова при таких известиях у него кругом идёт, и он плохо от того сообщает. Екатерина Платоновна засуетилась, усадила его на койку, подала стакан чаю:

— Пейте, Павел Кузьмич, успокойтесь, думайте себе сколько желаете. Вот кармелюк берите анисовую, а я вам пока подарочек приготавливаю — табак резаный кубинский из самой что ни на есть Гаваны, чтоб вы пахли, как английский лорд. Другая жизнь для вас скоро начнётся. Вы уж будьте готовы и не обессудьте.

Согласился, в общем, гальванер. Побожился, что сопроводит сударыню куда ей нужно. Допил чай, тряхнул серьгой:

— Приказывайте, всё исполним в точности.

...Щапов европейские языки, да и вообще иноземные, презирал. Ну, может, не презирал, но не любил — точно.

— На кой вам это кваканье? — укорял он молодых сослуживцев, переходящих на галльский прононс, как только выдавался случай блеснуть учёностью перед обществом или скрыть от кого-то существо своих разговоров. — Я вон прожил без всяких

заморских речений, и ничего, горбатым не сделался. Учили бы, оболтусы, лучше японский. С «макаками», чует сердце старика, повоевать вам ещё придётся.

Но несколько обходных слов из французского он всё же знал. И теперь, виртуозно ими оперируя, по набережной Ке де Франс уверенно добрался до консульства Третьей республики. У ворот спасительные «мерси», «бонжур», «пардон» и «силь ву плэ» тоже возымели действие: его пропустили в здание. Но в холле клерк попросил Щапова остановиться и вежливым тенорком потребовал, разумеется, по-французски:

— Si vous avez une arme, vous la laissez a la porte.¹

Поручик, прижав руки к груди, сконфуженно поклонился. Потом, что-то соображив, утвердительно закивал:

— Арме? Да-да, армия. Точно так. Вернее, флот. Я русский офицер. Мне нужно встретиться с капитаном Дюбуа. По очень важному делу.

Клерк, шагнув ближе, настойчиво повторил просьбу. Щапов окончательно растерялся. Подумал уныло: «Сейчас взашей меня погонит, дурака неучёного. И, как назло, рядом ни одного человека, кто объяснил бы по-русски, что от меня хотят». Служитель прочитал муку отчаяния на лице хорошо одетого иностранца и решил ему помочь: вывернул один за другим карманы на своём кителе, затем брюках и жестом пригласил сделать то же самое посетителя.

— Мусью, — затараторил поручик, — чего сразу-то не сказал, рожа твоя лакейская, что карманы мои тебя интересуют. Вот полюбуйся, пустые они. Успокоился? Теперь води меня к начальству.

...Военный представитель французской республики в Шанхае удивил Щапова своей молодостью. «Погляди, каков орёл, — отметил не без зависти поручик, — в его-то годы да на такой пост взлететь сумеешь надо. Высочка, поди, или из родовитых кто. Не иначе». При появлении неизвестного господина сидящий на массивном, с резной головкой диване где-то в глубине большого кабинета и что-то читающий капитан нехотя встал. Пошёл навстречу гостю. Однако близко к нему не подошёл, остановился на расстоянии и картинно — а-ля Бонапарт или Керенский — заложил ладонь за отворот мундира. Несколько мгновений тяжело рассматривал посетителя. Поджимал губы. Потом на хорошем русском языке, но каким-то бабьим голосом попросил представиться и рассказать о цели визита. Выслушав, нахмурился. Платок достал из кармана, встряхнул его, снова сложил. Нервно покрутил шейю. Заговорил с каким-то надломом:

— Не хотелось, но придётся огорчить вас, коллега. Адмирал Старк, как и вы, уважаемый, не состоите в штате нашей дипломатической миссии, потому не можете знать, что именно повара внутренней кухни готовили сегодня на завтрак и чем будут угощать служащих вечером. Да, ещё вчера то, о чём вы просите, мы могли бы решить, как у вас говорят, за дружеской рюмкой чая без проволок. Однако «omnia influit, omnia mutantur»². Вы наверняка, *mon cher*³, следите за кульбитами мировой политики и читали в газетах о недавней Генуэзской конференции. На ней, к нашему сожалению, был создан прецедент, весьма болезненный для Франции, да и не только для неё. Бывшие враги — большевицкая Россия и Германия договорились об отказе от взаимных реквизиций и репараций и взяли курс на военное сотрудничество. Это соглашение вынудило Париж заняться выстраиванием собственной системы безопасности. Для чего сейчас пересматриваются многие международные обязательства. Мы должны гарантированно обезопасить себя от будущего нападения немцев. А это означает, что все бывшие союзнические договорённости с Россией, в которой сменился режим и которая стала теперь другом Германии, утратили силу. Рушатся старые системы, возникают новые. Но хочу особо заметить: развития враждебных отношений с большевиками мы тоже не хотим. И это напрямую касается вашей просьбы. Эмигранты. Униженное победой красных офицерство. Бежавшая от революции интеллигенция. Вы уже, наверно, заметили, что наше правительство относится к ним в высшей степени лояльно, но у него вызывают озабоченность некоторые обстоятельства: среди всей этой публики и в Европе, и в Азии есть немало людей, не желающих смириться с нынешним положением вещей. Законы для них — условны. Мораль — есть предмет торга. Мир с Россией они не приемлют ни в какой форме. Эти господа не только жаждут реванша, но и, не скрывая, готовятся к нему. Сбиваются в разные милитари-союзы и общества, ведут подрывную агитацию, вооружаются. Чем создают многие неудобства для ведения нашей мирной торговли и развития бизнеса. Насколько я знаю, упомянутый вами генерал Вертопрахов как раз примыкает к одной из таких компаний. Поэтому я должен вас уведомить, что эти персоны, как и их окружение, в силу новых требований времени, не могут рассчитывать на нашу открытую поддержку. Я думаю, что не напрасно наше

¹ Если у вас есть оружие, сдайте его у входа (фр.).

² Всё течёт, всё меняется (лат.).

³ Мой друг (франц.).

наследника престола. Должен вам сказать, что барон, несмотря на молодые годы, успел многое увидеть и перенести. Ещё безусым прапорщиком участвовал в боях у Мазурских озёр, где, как вы знаете, русские батальоны изрядно потрепали австрийков. А летом пятнадцатого оборонял Осовец. Был одним из тех, кто шёл на немца в героической «атаке мертвецов». После отравления ипритом долго лечился, но, увы, службу пришлось оставить. Я на правах дальнего родственника взял над ним опеку и пригласил к себе в штаб разгребать юридические завалы флотилии. Для нас сейчас хороший адвокат значит больше, чем орудия главного калибра. Вы согласны со мной?

— Зачем же вы его в столь непростое для вас время так далеко отправляете? — вопросом на вопрос ответил француз.

Георгий Карлович вздохнул:

— В Харбине климат ближе нашему русскому состоянию. Друг семьи ведёт там врачебную практику и настоятельно рекомендует барону пожить какое-то время подальше от влажных погод побережья. Ну и знакомцев в городе много, будет с кем душой отдохнуть. Поправит здоровье, вернётся.

Подожли к нужному вагону. Адмирал поцеловал «баронессе Шехтинг» руку, игриво отдал честь жмущемуся к ногам матери Алексею. Громобоя приобнял по-отечески, шепнул ему на ухо:

— Будь молодцом, присматривай за французом, — после чего представил капитану провожающих: — Это мой адъютант лейтенант Губанский, а с господином Щаповым мы уже встречались.

Над перроном коротко звякнул одиночный сигнал колокола — предупреждение, что до отправления состава осталось полчаса. В вагон отъезжающие, тем не менее, заходить не спешили. Длились минуты горестного прощания, хорошо понимая, что никогда уже более им не свидеться. Вот дипломат только французский явно нервничал, глядел неучтиво поверх головы Вертопраховой, будто выискивал кого-то, рассеянно отвечал на её вопросы, даже на цыпочки привстал несколько раз. Минут за десять до отправления поезда лицо его вдруг прояснилось. Он даже улыбнулся «баронессе» и приветственно вскинул руку вверх, заведя рассекающую толпу, изрядно нагруженную дорожными кофрами тележку, а за ней с объёмистым саквояжем в руке тяжело шагающего грузного господина. Через минуту этот по виду коммерсант раскланялся с Дюбуа и дал команду носильщику заносить вещи в вагон.

— Это сотрудник нашего консульства и ваш попутчик до Харбина, — как-то чересчур торжественно представил незнакомца капитан. — Прошу отбросить неуместные сейчас условности этикета и призываю вас обращаться к моему коллеге без всяких церемоний — просто Мишель. Он следует в Маньчжурию по делам, что называется, государственным, но я приватно, как и обещал адмиралу, попросил его прикрыть вас в дороге своим дипломатическим зонтиком. Для удобства сообщения мы постарались, чтобы ваши купе располагались по соседству. Хотя месье Легранжу, согласно внутренним служебным инструкциям, возбраняется вступать в контакт с неизвестными людьми, для вас, барон, и вас, баронесса, он сделает исключение.

Новый знакомец обмахивался шляпой, улыбался и согласно кивал.

— Вы можете запросто, когда захотите составить компанию нашему другу, — продолжал Дюбуа. — Он, кстати, очень интересный человек, тоже бывший офицер, много раз бывал в России. И, даже подозреваю, любит её, хотя и скрывает. Надеюсь, что время в пути вы проведёте с взаимной пользой.

...Фарисей. Соловушка сладкоречивый. Хорошо пропел, ничего не скажешь. А ведь тремя часами ранее во внутреннем дворике миссии он среди тенистых платанов другие трели выводил — наставлял своего подчинённого, опытного агента Доминика Гарнье:

— Паспорт на имя Мишеля Легранжа уже готов. Билет в первый класс экспресса нарочный скоро доставит. Час тебе на сборы. Поедешь в Харбин. Отвезёшь почту, а заодно проверишь на практике то, чему тебя научили в европах магистры гипноза и учёные шарлатаны. Соседом твоим по вагону будет русский барон из захудалого рода, прибывший в Шанхай с семейством на одном из кораблей морского отряда известного тебе Старка. Судя по тому, как адмирал заботливо кудахчет над своими птенчиками, можно предположить, что этот Шехтинг входит в ближний круг командующего и, стало быть, во многое посвящён. Об общих планах штаба флотилии: при первой же возможности удалиться на Филиппины и там, уже в безопасной недосыгаемости от советского правосудия, заняться распродажей кораблей — мы извещены достаточно. Меня интересуют другие частности. Есть сведения, что трюмы некоторых посудин русских забиты оружием и немалым боезапасом к нему. Сколько его? Как адмирал намерен распорядиться им? Продать в третьи страны или передать здешним белогвардейцам для продолжения борьбы с советами? Не узнав ответы на эти вопросы, мы так и будем расшибать лбы о возводимую эмигрантами стену заговоров и диверсий. Ты должен

вытряхнуть Шехтинга наизнанку, для чего можешь употребить не только «пассы» графа Калиостро, но и другие известные тебе средства, кроме крайних, разумеется. И ещё. Со слов адмирала, этот героический барон, а я подозреваю, что в действительности он фальшивый, состоит в родстве с известным генералом Вертопраховым, который числится в дружках атамана-мясника Семёнова. Так вот, было бы большой удачей склонить Шехтинга к передаче нам информации о нынешней деятельности бывшего восприемника Колчака и особенно тех сведений, что касаются тайн расхищенного золотого запаса России. Его — при бегстве из Владивостока — Семёнов, говорят, предусмотрительно разделил на части и где-то спрятал. Где? Никто не знает. А Вертопрахов, как мне кажется, есть та ниточка, потянув за которую можно распутать золотой клубочек. Посули семейству барона безбедную жизнь где-нибудь на Лазурном берегу. Яхта, вилла, солнечное вино. Русская аристократия падка на роскошь. А правду о хрупкой материи обещаний, от которых всегда можно отказаться, пусть они лучше не знают. Встретимся на вокзале. Экспресс отходит в два часа пополудни. Не опаздывай.

...Первые два дня пути Гарнье-Легранж никаких попыток к сближению с соседями не делал. Держал паузу. Присматривался. Изредка, конечно, он встречался с ними в узком проходе вагона, приветливо раскланивался, но и только. Ну, иногда во время длительных стоянок они вместе выходили на перрон, чтобы подышать, так сказать, атмосферой. Однако и тогда француз торопливо подзывал к себе разносчика газет, покупал их сразу с дюжину и, довольный, спешил скрыться в своём апартаменте. Вертопрахова и Громобой не решались его останавливать: обидится ещё, чего доброго, важное создание. И в вагон-ресторан к обеду и ужину дипломат как будто намеренно неизменно являлся чуть-чуть с опозданием, когда свободные места за столом, где располагались супруги Шехтинги, уже занимали другие пассажиры. Это тоже было замечено.

— Как думаете, Павел Кузьмич, — тревожно спрашивала «жена» мнимого мужа, — у нашего французского окорока так случайно выходит или что другое у него на уме? Странно он ведёт себя. Вы же видите, что дружелюбием от его поведения совсем не пахнет.

— Скоро узнаем. Спите, барышня, — успокаивал её Громобой и засовывал под подушку воронённый люгер.

Вечером третьего дня Легранж сам подошёл к курящему в коридоре у окна соседу и умышленно по-французски стал извиняться:

— Простите, барон, за некоторое невнимание к вам. Но я только-только закончил работу с важными бумагами. Срочной корреспонденции накопилось так много, что пришлось работать даже ночами. О последствиях такого напряжения говорить не хочется: приступы мигрени, о которых я стал забывать, вернулись. А руки, посмотрите, как дрожат мои руки. Я нахожусь в буквально разбитом состоянии.

Паша выслушал, бросил окурок за окно. Попросил с полуулыбкой:

— Вы, месье Мишель, говорили бы лучше по-нашенски. На меня отчего-то чужие языки всегда одни страхи нагоняли. Поэтому в детстве я выживал из дома всех учителей французов. И ни розги родителя моего, ни уговоры матушки не помогали. Как только новый репетитор на порог, я ему в глаз из рогатки. Высекут меня, отлежусь я неделю, а потом снова какую-нибудь каверзу придумаю. Помучались со мной, помучались да отступились. Вот почему и в военное училище я не поступил, а прапорщика выслужил исключительно своею храбростью.

— Прошу прощения, барон, — перешёл на русский Гарнье, — мне гораздо непонятно слово рогатка. Я могу получить на него объяснение?

— Орудие есть такое старинное, камни метает в неприятеля, — скрутил дулю Громобой.

— О! Вы тогда являетесь опасным человеком. Тем более интересно будет с вами беседовать. Приходите сегодня с супругой ко мне. У меня есть лобстеры во льду и хорошее вино из Тосканы.

Паша, как учила его Екатерина Платоновна, слегка склонил голову и вежливо изрёк:

— Спасибо за приглашение, месье Мишель. Но всё будет зависеть от нашего мальчика. Заснёт он в урочное время, тут же мы к вам и пожалуем. А если станет беспокойство выказывать, тогда кому-то придётся около него вахту нести. Рандеву, стало быть, может не состояться. После вечерних склянок я вам сообщу о нашей готовности.

Легранж посмотрел как-то странно, но, ничего не сказав, удалился в своё купе. Честно говоря, Паше совсем не хотелось точить лясы с учёным неприятным французом, но тот обещал выставить бутылку вина. И опять же упомянутые неведомые лобстеры. Как на дармовщинку не отведать того, чего вовеки не пробовал? Надо уговорить барышню.

— Так и быть, — угадала желание гальванера Вертопрахова, — я согласна составить вам компанию, мой друг. Но вы должны пообещать мне, что во время ужина с

дипломатом будете молчать и говорить только тогда, когда я вам разрешу. Ведите себя так, чтобы Мишель без сомнения поверил в ваши давнишние тяжёлую контузию и поражение горловых протоков. Показывайте, будто последствия этих несчастий до сих пор изнуряют ваш организм. И прошу: не налегайте на вино, а лучше совсем не прикасайтесь к нему. Мой муж говорил, что алкоголь любого мужика способен сделать слабым и болтливым. А дипломаты, говорят, все шпионы. Чую верно, французик наш попробует опоить вас. Вы же друг адмирала, мало ли какие тайны можете проговорить. Ну и докажите свою силу, проявите известное упрямство — защититесь якобы коликами в желудке и возможной потерей сознания. Ваше желание я хорошо понимаю и налиться портвейном позволю непременно, однако не сейчас и в другой — более свойской обстановке. Договорились? Выйдите в коридор, я переоденусь.

За окнами вагона, покрытые маньчжурской сосной, тянулись и тянулись бесконечные сопки. Кое-где к подножиям их, мигая редкими огнями, лепились жалкие китайские деревеньки, на которые медленно опускалась ночь. Поезд летел, приветствовал короткими гудками каждый полустанок. В вагоне-ресторане играл патефон. И Алёшенька Вертопрахов посапывал уже сладко. Что снилось малышу под мерный стук колёс экспресса, режущего пространства чужой страны? Одному богу известно. И поднялась тогда решительно «баронесса»:

— Кажется, уснул. Можно идти, дорогой.

Гарнье-Легранж — сама заботливость и вежливость — усадил молодую чету на диван. Жестом попросил внимания и, подобно фокуснику, торжественно сдёрнул салфетку с загодя сервированного стола, — вот, мол, полюбуйте, господа нищие эмигранты, какой простор для пиршества я вам открыл, ничего для друзей не жалко. Потом он разлил вино по бокалам и, немного выждав, на правах хозяина предложил для начала выпить за... президента республики, гражданином которой является, — то есть за господина Этьена, значит, Мильерана:

— А следом мы поднимем бокалы за здоровье Владимира Ульянова-Ленина, правителя нынешней России. Так уж случилось, но лидер большевиков сегодня олицетворяет оставленную вами родину. Не так ли?

В купе повисла тишина. До Екатерины Платоновны и уж тем более гальванера не сразу дошёл смысл сказанного французом. «Каков мерзавец, — подумала «баронесса». — Он нас определённо провоцирует». А вслух сказала, поставив бокал на стол:

— Месье Мишель, наше знакомство началось весьма странно, и мы с мужем хотели бы услышать от вас признание, что вы пошутили насчёт большевика Ленина. Предлагать людям выпить за здоровье человека, который лишил их будущего... это не просто бестактно... это непозволительно!

Опытным взглядом разведчика дипломат отметил, как левая кисть руки «барона» как бы случайно очутилась в кармане брюк, после чего последовал еле слышный щелчок взводимого курка.

— Оставьте оружие в покое, ваше благородие, — нервно дёрнулся Легранж. — Я, конечно же, пошутил. Ни за каких президентов и уж тем более советских комиссаров мы пить не будем. Просто у нас, дипломатов, есть одно правило: прежде чем садиться договариваться с кем-то, узнаём, по возможности, всё о его политических пристрастиях — прошлых, настоящих и даже будущих. Тогда достигнуть задуманного результата будет немного легче. Прошу прощения за доставленные вам минуты волнения.

Вроде оправдался хозяин. Снял напряжение. Но дружеского ужина не получилось. Вертопрахова вяло ковырялась вилкой в салате, односложно отвечала на вопросы, а через полчаса и вообще покинула купе, сославшись на необходимость быть рядом с сыном. Громобой ел лобстеров, кривил рот непонятно от чего. К вину, как и обещал «жене», не притронулся, несмотря на все уговоры дипломата. Попрощавшись и уже выходя из купе, вообще пригвоздил того, что называется, к стеночке:

— Сплошная ты калуга, мусью, — сказал с нагловатой усмешкой. А в коридоре сплюнул безглаголиво: — Мочижина, значит по-нашему, болотная.

Перемудрил, в общем, месье Мишель, граф Калиостро из него вышел никудышный. Через два дня, во время остановки в Пекине, он с привокзального почтамта отбил обычную телеграмму в Шанхай: «Сделка не заладилась. Клиент с условиями не соглашается. Надеюсь на следующую встречу». Что капитан Дюбуа должен был прочитать так: «Барон на контакт не идёт. Предлагаю продолжить разработку непосредственно в Харбине».

Продолжение следует